

СЛЕДОВАТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЕМ

Под процессуальным руководством расследованием в науке всегда было принято понимать реализацию целого комплекса властных уголовно-процессуальных полномочий организационно-распорядительного характера, которыми традиционно обладали в отношении следователя прокурор и начальник следственного отдела (ст. 127.1 УПК РСФСР и ст. 39 УПК РФ в редакциях до 05.06.2007 г.). Такие представления формировались в теории и на практике, как минимум, последние полвека и казались незыблемыми. В 2007 г. июньские изменения в уголовно-процессуальном законодательстве коренным образом изменили ситуацию, что потребовало новых подходов к анализу не только субъектного состава правоотношений, в рамках которых осуществляется процессуальное руководство расследованием, но и содержания этих правоотношений.

Полагаю, что прежде чем анализировать процессуальное руководство в отношении следователя со стороны субъектов, наделенных властными полномочиями в отношении него, необходимо четко уяснить роль самого следователя в осуществлении процессуального руководства расследованием.

Безусловно, в рамках одной научной статьи вряд ли удастся дать полный и обстоятельный анализ всей проблемы определения субъектного состава процессуального руководства, поэтому остановимся лишь на некоторых теоретических и практических аспектах проблемы выделения следователя в качестве субъекта процессуального руководства расследованием.

* © Журавлев А.В., 2008

Журавлев Алексей Валериевич – заместитель Куйбышевского транспортного прокурора, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

Вопрос о следователе как о субъекте процессуального руководства расследованием тесно связан с вопросом об уголовно-процессуальных функциях, которые он осуществляет, поскольку процессуальное руководство — это не что иное, как уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая отдельными субъектами уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что в научной среде не было и нет единства мнений о количестве уголовно-процессуальных функций, осуществляемых следователем, и их соотношении с понятием процессуального руководства расследованием.

Так, М.С. Строгович, рассматривая уголовно-процессуальную деятельность как совокупность трех функций (уголовного преследования (обвинения), защиты и разрешения дела), полагал, что на предварительном следствии все эти три функции соединены в руках следователя¹. Признавая правильность подобного подхода, В.М. Савицкий для следователя выделял еще и четвертую, "вспомогательную", функцию — функцию расследования, поскольку концепция М.С. Строговича не охватывала деятельность следователя до появления в уголовном деле обвиняемого (подозреваемого)². Ученый-процессуалист Р.Д. Рахунов наделял следователя функциями расследования и в отдельных случаях — разрешения дела, исключив следователя из субъектного состава функций обвинения и защиты³. Похожую позицию в данном вопросе занимал А.М. Ларин, который существенно расширил круг уголовно-процессуальных функций, осуществляемых следователем, полагая, что он на досудебных стадиях уголовного производства осуществляет следующие функции: исследование обстоятельств дела; уголовное преследование; обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих в деле; предупреждение преступлений; процессуальное руководство расследованием и разрешение дела⁴. Не углубляясь в дискуссию об обоснованности выделения в качестве самостоятельных функций следователя обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих в деле, и предупреждение преступлений, отметим, что данная концепция, на мой взгляд, абсолютно обоснованно исключает следователя из субъектов, осуществляющих функцию защиты на предварительном следствии. Как справедливо отмечал А.М. Ларин, «ведь сразу возникает вопрос: от чего и от кого защищает следователь? Ответ же, что

следователь защищает обвиняемого от обвинения, следователем же предъявленного и поддерживаемого, вряд ли кого удовлетворит.»⁵

Относительно выделения А.М. Лариным единой функции процессуального руководства расследованием и разрешения дела необходимо отметить, что в качестве обоснования объединения двух указанных направлений уголовно-процессуальной деятельности автор указал на невозможность осуществления руководства расследованием без наличия возможности властного воздействия на участников процесса, выражающегося в принятии процессуальных решений.

С подобным обоснованием нельзя не согласиться, поскольку, действительно, представить процессуальное руководство расследованием без права решения отдельных уголовно-процессуальных вопросов довольно сложно.

Однако деятельность по разрешению отдельных процессуальных вопросов, связанных с осуществлением руководства расследованием, и деятельность по разрешению дела, как процессуальная функция, заключающаяся в проверке и оценке собранных по делу доказательств и в принятии решения по вопросу виновности и ответственности обвиняемого, — это не одно и то же. А отсюда следует вывод о том, что объединение двух указанных функций вряд ли достаточно обоснованно.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что не все ученые-процессуалисты признают процессуальное руководство расследованием как самостоятельную уголовно-процессуальную функцию. Вместе с тем, большинство из них не отрицают в деятельности следователя элементов процессуального руководства расследованием, которые проявляются в функциях расследования, уголовного преследования (обвинения), разрешения дела и других.

Статья 38 УПК РФ определяет основные полномочия следователя, реализация которых выражается в тех или иных уголовно-процессуальных формах.

Анализ норм действующего Уголовно-процессуального кодекса позволяет сделать вывод о том, что основными актами процессуального руководства в стадии расследования являются постановления следователя, например постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, о признании лица потерпевшим

или гражданским истцом и о привлечении в качестве гражданского ответчика, об избрании, изменении и отмене меры пресечения и др.

Однако не все случаи, когда властное решение следователя должно быть выражено в форме постановления, на мой взгляд, прямо указаны в уголовно-процессуальном законе.

Так, согласно ст. 69-72 УПК РФ следователь правомочен решать вопросы об отводе переводчика, специалиста, эксперта, защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. Но отсутствие в законе указаний на обязанность следователя выносить в этих случаях мотивированное постановление может способствовать устранению этих лиц из процесса без достаточных оснований. Более того, ст. 38 УПК РФ существенно уступает по редакционной точности ст. 127 УПК РСФСР, в ч. 5 которой содержалось существенное указание: «Постановления следователя, вынесенные в соответствии с законом по находящимся в его производстве уголовным делам, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами». В ст. 38 УПК РФ такого прямого указания нет, что едва ли правильно, поскольку оставляет сомнения в обязательности собственных властных решений следователя для неограниченного законом круга адресатов этого решения.

Вынесение постановлений — не единственная форма осуществления следователем процессуального руководства. Например, решения о вызове свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого оформляются повестками. Необходимость в получении определенных сведений, которые могут служить установлению фактических данных, могут оформляться направлением запросов, требований, поручений.

Вместе с тем, следует отметить, что в отличие от УПК РСФСР (ст. 70) в новый кодекс по непонятной причине не была включена общая норма, предоставляющая следователю право требовать от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, могущих установить необходимые фактические данные иным путем, нежели проведение каких-либо следственных действий. Имеющаяся в ст. 86 УПК РФ отсылка на то, что собирание доказательств осуществляется путем производства следственных и иных процессуальных действий, пре-

дусмотренных УПК РФ, проблемы не решает, поскольку направление запросов следователем предусмотрено лишь п. 7 ст. 115 УПК РФ (при необходимости получения сведений о наличии в банках или иных кредитных учреждениях денежных средств и ценностей, подлежащих аресту), а направление требований предусмотрено только ч. 2 ст. 144 УПК РФ (при проведении проверки по сообщению о совершенном преступлении, распространенному в СМИ). Каких-либо иных случаев УПК РФ не предусматривает. В связи с этим фактически складывается ситуация, когда следователь не вправе производить собирание доказательств путем направления запросов и требований, за исключением вышеуказанных случаев. В то же время ч. 4 ст. 21 УПК РФ предусматривает обязательность требований, поручений и запросов следователя, предъявленных в пределах его полномочий, установленных УПК РФ, для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Еще одной формой выражения следователем процессуального руководства расследованием являются взаимоотношения следователя и органов дознания.

Анализ уголовно-процессуальных норм позволяет сделать вывод о том, что в ходе расследования органы дознания играют вспомогательную роль и в определенной степени подчинены либо подотчетны следователю. Это выражается в праве следователя давать органам дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

Полагаю, что целесообразным было бы по аналогии с полномочиями председательствующего судьи в стадии судебного разбирательства включение в УПК РФ нормы, закрепляющей право следователя руководить проводимыми им следственными действиями и давать обязательные для исполнения распоряжения участвующим и присутствующим лицам о порядке его проведения: требовать от органа дознания содействия в поддержании порядка при производстве следственного действия; предупреждать, отстранять от участия в следственном действии и удалять лиц, нарушающих порядок и не подчиняющихся распоряжениям; составлять протоколы о злостных

нарушениях порядка с направлением их на рассмотрение в суд для наложения штрафа на виновных.

Отдельные элементы процессуального руководства расследованием также выражены в деятельности следователя – руководителя следственной группы, который в соответствии со ст. 163 УПК РФ принимает уголовное дело к своему производству, организует работу следственной группы, руководит действиями других следователей и в исключительной компетенции которого находится ряд наиболее важных процессуальных решений.

Таким образом, даже такой краткий анализ теоретических и практических основ деятельности следователя позволяет сделать вывод о том, что он наравне с прокурором и руководителем следственного органа является субъектом процессуального руководства расследованием.

Примечания

¹ См.: Строгович, М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. – М., 1946. – С. 94.

² См.: Савицкий, В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В.М. Савицкий. – М., 1975. – С. 43-44.

³ См.: Рахунов, Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р.Д. Рахунов. – М., 1961. – С. 47-48.

⁴ См.: Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. – М., 1986. – С. 12.

⁵ Там же. – С. 36.

*Н.В. Пронин**

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК СПОСОБ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБНАРУЖЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Действующий УПК РФ, в отличие от УПК РСФСР 1960 г. (п. 6 ст. 108), не выделил в качестве повода к возбуждению уголовного

* © Пронин Н.В., 2008

Пронин Никита Владимирович – начальник отдела административных расследований Самарской таможни